

Николай Пивцевич

Я очень долго проработал на нефте-масло-перерабатывающем заводе техническим директором — должность ответственная и очень беспокойная. В моем подчинении было много сотрудников, с разными характерами, степенью ответственности и подготовленности. И со всеми я умел находить общий язык. Отвечать приходилось практически за все: и техника безопасности, и газоснабжение, и водоснабжение, и электроэнергия. Даже такое место, как буфет, столовая для сотрудников, требует внимания, чтобы все четко работало: и канализация, и газ, и электричество. Личный телефон у меня не замолкал ни днем, ни ночью.

Огромная ответственность и чувство долга не позволяли уйти в полноценный отпуск и, так сказать, бросить завод на произвол судьбы. Конечно, у меня были долгожданные выходные дни, которые я проводил с семьей на даче: занимался своим плодово-ягодным садом, строил теплицу, выращивал овощи и обустроивал дачный дом. А затем снова на работу. И так четыре года без полноценного отпуска.

Сейчас мне 64, а в 53 года, 1 апреля 2004 года, у меня случился инсульт. Вот так надо мной «подшутила» судьба. Я ничего не знал про инсульт и даже представить себе не мог, что со мной может такое произойти. Думаю, если бы знал, что это такое, то со мной бы ничего подобного не случилось. Врач говорил мне, что надо пить таблетки, но я ведь врача не слушал! Так что случилось то, что случилось. Судьбу свою я принял и начал карабкаться, включил силу воли, настойчивость, веру. Действовал и действую, не лежу на кровати, не сетую и не разрешаю себе быть пессимистом.

1 апреля 2004 года я как обычно после работы приехал на дачу, поужинал. Шел чемпионат мира по хоккею, по телевизору показывали матч между Латвией и Россией. Я, конечно же, болел за нашу сборную. В перерыве решил попить чаю. Встал, подошел к раковине, открыл кран, чтобы налить воды в чайник... и почувствовал, как неожиданно пробежала дрожь по всему телу. Попытался закрыть кран, не получилось: рука отказалась слушаться. Жена проходила мимо кухни, я ей только успел сказать, что меня парализовало. Она сразу же дотащила меня до дивана. Помню, что рука и нога отказались двигаться. Скорая помощь приехала быстро. Врачи сказали, что срочно нужно в больницу. Положили мое беспомощное тело на носилки, донесли до машины, носилки поставили внутрь, закрыли дверь. И больше я ничего не помню. Пришел в себя на следующий день в реанимации больницы.

Первый телефонный звонок в больницу был от директора завода. Я только успел сказать, что со мной произошло несчастье, и сразу же потерял сознание. Через некоторое время очнулся, смотрю, а у больничной койки стоят все мои друзья, коллеги по работе. Многие очень грустные, некоторые плачут. Мне было очень больно, что я в таком беспомощном состоянии оказался. Краше в гроб кладут. Увидел своих родных: жену, детей, брата. Попытался встать и не смог.

Потом меня перевезли в железнодорожную больницу. Но, к сожалению, ни рука, ни нога не начали двигаться, как раньше, и речь плохо восстанавливалась. Вот в таком состоянии из железнодорожной больницы и выписали. На коляске завезли домой, положили на диван. Я лежал и плакал, понимая, что стал инвалидом, что самостоятельно даже в туалет не могу сходить. Жизнь разделилась в одночасье на до и после. Даже вспоминать

эти первые трудные дни очень тяжело, дыхание перехватывает: было ощущение полной беспомощности, казалось, что все потеряно, жизнь закончена. Невозможно было не то что пойти на работу, а встать с постели. Я тогда остро ощущал свою ненужность. Постоянно думал: «И кому я такой нужен?!»

На улице светило солнце, пели птицы, цвела сирень — наступила весна. Сидя в коляске перед окном и глядя за окно, я решил, что надо что-то делать, осознал, что слезами горю не поможешь, что жизнь продолжается и надо жить! Хватит хандрить! Да, будет трудно, но это горе можно и нужно преодолеть. Очень болезненно и трудно приходило ко мне понимание того, что придется упорно восстанавливаться, что через два-три дня этот недуг не отпустит, что борьба предстоит долгая.

Стал думать, что делать. И через две недели уехал в санаторий «Яункемери» на реабилитацию, где прожил два полных месяца и каждый день с упорством и настойчивостью занимался, учился ходить заново. Первые шаги я сделал именно в этом санатории, благодаря прекрасному физиотерапевту Александру Романенко. Такое трудно забыть! Поначалу я вообще не ходил и учился просто вставать. С большими усилиями, но это у меня стало получаться. Затем Саша дал мне треногу, которая какое-то время была моим помощником. Очень было страшно начинать ходить одному, но Саша всегда был рядом, его рука лежала на моем плече. Это меня успокаивало и придавало сил. Наконец у меня получилось сделать первый шаг. Это была победа! Сколько было радости! Потом — второй шаг. Я начал ходить с помощью треноги, а Саша меня подстраховывал рядом. Но однажды он меня отпустил. Я этого даже не почувствовал, лишь пройдя несколько метров, остановился, оглянулся и увидел Сашу далеко позади. Я шел один! Так Саша меня избавил от страха ходить. Это была еще одна моя победа над болезнью. Я четко понимал, что восстанавливаться мне предстоит длительно и трудно, но трудности перестали меня пугать.

С треногой я передвигался по квартире: на кухню, в ванную комнату. И тогда я подумал: если я могу дойти до туалета, то, что может мне помешать выйти на улицу? Как только появилось желание выйти из дома, то возникла и уверенность, что я смогу это сделать. Я стал думать, что для этого нужно, какие упражнения помогут мне восстановить работу тела, какие процедуры нужны.

И вот я снова в санатории, но уже другом, в «Вайвари». Там был замечательный физиотерапевт Виталий, который научил меня ходить с одним костылем! Теперь я стал еще самостоятельнее. «Жизнь продолжается!» — радовался я. Это была еще одна моя победа!

На этом мои победы не закончились, а только начались! Постепенно восстановилась речь. Я стал самостоятельно выходить гулять, познакомился с соседями по дому, которых раньше совершенно не знал из-за занятости на работе. Ведь до болезни домой я приезжал практически только переночевать. У меня появились новые друзья. Стал постепенно возвращаться интерес к жизни. Огромное спасибо моим коллегам по работе, руководству, особенно директору фирмы, в которой я работал, Владимиру Ивановичу Одерову! Они не оставили меня, навещали, рассказывали, что происходит на работе, спрашивали совета, если что-то шло не так. Я напряженно думал, давал советы, и к ним прислушивались. Для меня это было очень важно. Родные, друзья, сослуживцы — все

верили в то, что я смогу встать, восстановиться, ведь голова-то у меня работала и, слава Богу, продолжает работать.

Уже после инсульта, когда я стал ходить, поехал навестить в больнице свою соседку по дому. Вернулся домой, открыл дверь, зашел в квартиру, а потом провал в памяти.

Оказалось, у меня случился микроинсульт. Уже в больнице, когда меня привели в чувство и я вроде начал приходить в себя, понял, как страшно остаться без памяти, самое важное — это голова! Ничего страшнее нет — лишиться разума. Как встал на ноги, сразу же пошел в церковь. После таких испытаний начинаешь верить в Бога. Живу и радуюсь, что я еще не безнадежный: сам хожу в туалет, моюсь, одеваюсь, выхожу на улицу, гуляю.

Правда, рука и нога очень ограничивают мои движения, хотелось бы двигаться быстрее, лучше вставать, ходить — хожу через не могу.

Дочь довозила меня до вокзала, высаживала там, где останавливаются маршрутные такси. Я садился в маршрутку, потому что в электричку мне зайти было труднее, и ехал в Юрмалу, в санаторий «Белоруссия» на процедуры. Обрато доезжал до дома самостоятельно. В санатории познакомился с Володей Старостиным, потом и с Владиславом.

Володя мне рассказал, что, мол, есть такое общество психологической поддержки людей, перенесших инсульт, и их родственников. Так я оказался в «Вигоре».

Марина Павловна, замечательный человек, не давала унывать. Она всем своим отношением к болезни показывала, что все будет хорошо, все можно преодолеть, только никогда не надо опускать руки и отчаиваться. Вот я до сих пор и не опускаю руки.

У меня всегда после инсульта было и есть желание жить нормальной жизнью, не как инвалид, быть самим собой. Машину я начал водить сразу, как только почувствовал себя нормально. Были небольшие ограничения в движениях руки и ноги, но мне это сильно не мешало. Водил машину я хорошо, никто не жаловался. Помню, друг приехал на машине, и я вдруг подумал: «Вот бы мне начать ездить!» А он и говорит: «Коля, если хочешь, попробуй, сядь за руль. Это автомат». Я сел, и у меня получилось! Вот так я начал опять водить машину. Помню, как мы в «Вигоре» с Мариной Павловной и другими товарищами по несчастью ездили в лес за ягодами и грибами, ездили ко мне на дачу и в Юрмалу, в санаторий «Белоруссия» на процедуры. Я и на работу приезжал на машине сам, когда вызывали по трудному вопросу и требовалась моя помощь. Да, удивлял я их, что приезжал самостоятельно.

Меня радует, что коллеги с работы не забывают меня, своего директора: до сих пор навещают или просят приехать на завод, проконсультировать. Ведь наработанные за много лет знания и опыт никуда не исчезают. Эти положительные эмоции так важны, особенно, когда трудно, когда кажется, что жить уже не имеет смысла! Ведь я 40 лет проработал, и остаться без работы было невыносимо трудно. Ребята — молодцы, дали мне почувствовать, что я нужен. Особенно, когда меня вызвал начальник и попросил помочь сделать линию для слива масла. Я рассказал, как я это вижу и что нужно сделать. Сделали так, как я предложил, и все получилось: масло перекачали без сучка, без задоринки. Мне было так приятно! Можно жить дальше: не только есть, спать, но делать что-то для других. Так появился смысл в жизни. И ничего, что нога плохо двигается и рука не слушается. Зато поговорить о работе, подсказать, посоветовать своим коллегам, например, как провести трубы, какие задвижки поставить на какие емкости, т. е. дать полноценную консультацию по вопросам техники безопасности — это я могу!

И дети меня радуют. У меня две дочери, уже совсем взрослые. Был счастлив, когда дочь выходила замуж, когда родился первый внук. Старший внук-то родился еще до моего инсульта. Я его успел помянуть немножко до своей болезни. Сейчас он большой смысленный мальчишка, 13 лет. Когда приезжает в гости, в доме становится весело. Потом вторая дочь вышла замуж. И тоже внука подарила. Своих-то детей я толком не видел — работа забирала все время. Теперь на общение с внуками время есть: я с ними играю, снимаю их на видеокамеру. Внуки — продолжатели моего рода. Сейчас старшая дочь живет в Испании на Канарах, а младшая в Италии. Грустно, конечно, что дочери разъехались. Ну, что поделать — это жизнь. Они молодцы, не забывают нас, стариков, приезжают, помогают по дому и на даче тоже, и этим летом приезжали, радовали нас. Дочь младшая зовет в Италию — они живут недалеко от Вероны, на берегу озера. Но сейчас мы с женой поехать не сможем, жена ждет операцию на глаза, да и мне обузой не хочется быть. Но в гости подумываю поехать, погулять по берегу озера, подышать итальянским теплым воздухом. Хочется посмотреть на красавицы-яхты, а в озере там карпы плавают, вода прозрачная — все видно. Красота!

Если бы я не «сломался», то давно бы уже побывал и в Италии, и в Испании в гостях у дочерей. И жене по дому больше бы помогал, а то практически все на ней, все домашние хлопоты. А сломался я, в прямом смысле этого слова, когда шел в социальную службу. Подошел к дверям, которые открываются автоматически, и когда поравнялся с ними, эти дверные половинки закрылись, очень сильно ударив меня. Я от неожиданности испугался и упал, к сожалению, очень неудачно — сломал ногу и руку. Вот так судьба приготовила мне еще одно испытание, тоже очень тяжелое. Пришлось лечь на операцию.

Было очень обидно и досадно, возникла даже злость: почему именно со мной такое случилось?! Да еще я получил тяжелые травмы не где-то, а в здании социальной службы, куда каждый день приходит множество людей, в том числе инвалиды. Уж точно я никак не ожидал, что именно там может что-то угрожать моей жизни, что мне будут делать операцию, чтобы я опять смог ходить. Хожу я, конечно, после этой операции намного хуже, чем до нее, после инсульта. И рука практически перестала слушаться, к тому же стала очень реагировать на изменения погоды. С этим несчастным случаем мне было очень трудно смириться и психологически справиться. Думаю, что и сейчас еще душевная боль осталась. После переломов стал очень неуверенно себя чувствовать, появился «комплекс неустойчивости», боюсь опять упасть и что-то сломать, осторожничаю. Не могу смириться со своими ограничениями, хочется, чтобы хотя бы рука лучше двигалась.

В «Вигор» стал очень редко ездить и скучаю по своим друзьям. Правда, мы созваниваемся и с Володей Старостиным, и с Володей Картопольцевым, и со Станиславом. Редко, но встречаемся. Обсуждаем наши достижения. С другой стороны, слава Богу, я могу ходить, пусть и медленно! У меня знакомый с инсультом 12 лет лежит, не встает. Вот это было бы для меня самым страшным. Так что я нахожу позитив в своей ситуации, хотя, конечно, иногда грусть и ощущение безвыходности накатывает, может и полностью захватить. Хочется дела делать, в огороде, например, поработать, а не можешь — мешают ограничения. Но дачу продавать не буду! Это хорошее место для отдыха детей и внуков.

Сейчас, спустя время, понимаю, что никогда не надо спешить. А я спешил, всегда спешил — и до болезни, и после. Все хотел делать быстро. Не хватало терпения. Слава Богу, что

у меня есть еще энергия. Наверное, благодаря ей и огромному желанию ходить я не сдаюсь — постоянные занятия, тренировки. Думаю, что я должен быть благодарен своему упорству: оно мне помогло встать с кровати и сделать первые шаги после инсульта, выйти на улицу, сесть за руль машины. Все мои достижения оказались возможны благодаря настойчивости, желанию делать через не могу, ну и оптимизму. Мне уже 65 лет: энергия, чувствую, убавляется, а оптимизм еще есть. Радует меня и то, что жалости к себе у меня нет. Я не лежу на диване, жалея себя. Да и жена помогает, подталкивает, не дает залеживаться.

После инсульта для меня перестали иметь значения материальные ценности. Одежда перестала быть важной. Я больше не думаю, какие туфли подходят к брюкам и какой галстук надеть к рубашке. Главное, чтобы было тепло и удобно. Раньше я хотел и все делал для того, чтобы иметь большую квартиру, машину, лучше, чем у других, добротный дачный дом с большим садом. Сейчас мне только важно, чтобы в саду были красота и порядок. А самое главное в жизни — здоровье. Его надо беречь, относиться к нему трепетно и с большим уважением. Я стал больше прислушиваться к себе, оценивать свое самочувствие. Если плохо себя чувствую, то стараюсь не напрягаться, снижаю нагрузки, когда занимаюсь физкультурой, не иду гулять, потому что даже самая простая прогулка отбирает у меня много сил и энергии. Сажу дома, читаю газеты, смотрю телевизор, разгадываю кроссворды, общаюсь с друзьями по телефону. Короче, нахожу другие занятия, более спокойные. Я стал менее требовательным к себе, перестал расстраиваться, если что-то не получается, просто откладываю на завтра. А если и завтра не получается, то не переживаю, а начинаю думать, как это можно сделать по-другому. Когда не работаешь, появляется много времени. Сидя дома, я научился ремонтировать всякие мелочи. Например, недавно отремонтировал дверную ручку в ванной комнате: собрался с мыслями, подумал, разобрал замок и починил. Розетки научился ремонтировать.

А еще этой весной я нашел себе увлекательное занятие: каждый день поднимался самостоятельно на девятый этаж (живу-то я на первом). И так же самостоятельно потом спускался вниз, задом наперед, как рак. Но не просто так поднимался, а чтобы понаблюдать за вороной. Рядом с нашим домом растет дерево, и высоко на нем ворона свила гнездо и высиживала птенцов. Так я наблюдал за жизнью птиц, пока птенцы не вылетели из гнезда — на старости лет стал натуралистом. И жена очень радовалась моему новому увлечению.

Очень скучно бывает дома, когда нечем заняться. Ничегонеделание наводит на меня уныние, можно просто сойти с ума. Вот и придумываю себе новые занятия и увлечения. Ведь девиз моей жизни был и есть: «Жить, а не существовать». Даже после таких тяжелых переломов я встал, потому что мне надо еще многое успеть. Например, съездить в Белоруссию и слетать на Канары к дочери — посмотреть, что это такое. Полететь на Канарские острова — это же чудо! Да и Италия ждет меня — вторая дочь зовет. Недавно встречался с другом, который был на свадьбе внука, и он мне сказал: «Дай Бог тебе дожить до свадьбы внука, потому что в жизни ничего не может быть лучше этого!» Вот хочу дожить и проверить правдивость его слов.

Еще давно появилась у меня идея создания музея паровых машин. Я поделился ею с директором завода, он одобрил. Этим я сейчас и занят. Уже есть четыре паровых машины, есть помещение для музея, который будет находиться на Твайку, 35. Чтобы лучше двигаться, хожу в Институт травматологии на реабилитацию, до сих пор разрабатываю свои суставы после переломов. Очень поддерживают веру в себя, веру в то, что все получится, книги. Люблю перечитывать роман Валентина Пикуля «Фаворит». Очень нравится Потемкин, я ему даже в чем-то подражаю. Мне нравятся его слова: «Деньги — хлам, а люди — все». Когда Потемкин умер, Суворов сказал о нем: «Велик был человек и телом, и душой». «Граф Монте-Кристо» — тоже моя настольная книга. Читаю и укрепляю свою веру. Жена больше любит Донцову, а мне мне она как-то не очень. Еще читаю церковные книги. Помню, как моя мама читала Библию. Она была очень верующей и всегда, когда я уезжал из дома, мне говорила: «Колечка, ведь еще помолиться Богу надо перед дорогой».

Теперь я точно знаю, что для успешного восстановления человеку просто необходима уверенность в себе и вера близких людей и друзей в тебя. И еще важно самому не потерять веру в людей. «Надо верить, любить безвозмездно! Только так можно счастья найти». Не только пользоваться добротой человека, а самому отдавать частичку своей души.

*Беседу провела и записала Елена Мозгова
Июнь-ноябрь 2015 г.*